

Г. НИКИФОРОВ МАШИНИСТ

В

Н 627

87

КВЖД

ЦЕНА

4

КОП/К

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

805-19855
90313442
Всесоюзная
детская библиотека
И. М. ЕННИНА

МАШИНИСТ

Летом Кольку в школу не заманишь; ну ее, арифметику эту самую, к чертям оловяным...

Ребята на экскурсию, цветочки собирать, жучков ловить, а Колька с отцом на паровоз.

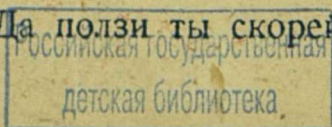
На паровозе краники разные, винтиля, рычаги медью поблескивают. Пристроится Колька на стуле откидном и смотрит, как отец с помощником орудуют.

На станции, в окне паровозной будки топорщится, интересно сверху наблюдать, как пассажиры бегают, будто муравьи, которых из крана кипятком ошпарили, суетятся и орут.

— Митревна, Митревна, полезай сюда!

— Где билет-от? Аль я тебе его сунула?

— Да ползи ты скорей, анафить-те!

673414 Кх-рег 210

- Граждане, сторонись!
- Пиши, Клавдинька, не забывай, милая!
- Безобразие, начальство тоже, товарищи...
- Эх, ну и народу! И куда прут только, язви их.

Обер смотрит, смотрит, вынет свисток да ка-ак хлестанет: фррю-ю-ю.

Отец сейчас же: гу-ук, чш-фф.

Паровоз вздрогнет, двинет раз, другой плечами могучими и руками часто, часто: ча, ча, ча — и пошел.

Эх! запузыривай, навертывай, качай...

Раньше по стрелкам: от-ойди, от-ойди, а как вышел за станцию, начал под уклон завихаривать, на стыках: трык-трык, трык-трык.

Телеграфные столбы спьяна кувырком летят, ветер-озорник в лицо песком хлещет, лес с перепугу в облака ползет, встречные деревеньки в пляс пошли, а паровоз как ахнет широкой медной ластью: у-у-ух, стори-ись, мелкота...

У Кольки сердце от восторга в разные стороны кидается, выскочить хочет.

1957-58 г.

26458

23280

УЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Д. МА. ДОТСКОЙ
ДЕТГИЗ

Часто Колька с отцом разъезжает. Мчится змейкой, среди гор Уральских, длинный поезд, ныряет в глубокие выемки среди каменных скал, бежит по высоким обрывистым уклонам, а внизу далеко, далеко речушки серебром поблескивают. В низинах по утрам голубые прозрачные туманы ползут, а сверху солнце огненными пальцами горные трещины прощупывает. Холмы, как огромные морские волны, застыли в далекой синеве; среди огромных, мохнатых пихт и сосен поселки прячутся и издали стеклами окон подмигивают; в долинах будто бы платки узорные разостланы, разными цветами переливаются.

Привык Колька к паровозу, знает как воды накачать, топку разжечь, как регулятором действовать, чтоб машину в ход пустить, у отца научился. Старый его помощник Лукич тоже показывает.

В дни отдыха Кольке невтерпеж, минуты дома не сидит и все около железнодорожного депо шебуняет, по путям. Взгромоздится Колька на высокую насыпь пути и

любуется, как паровозы между вагонами хозяйничают, порядок устанавливают.

Внизу все в разные стороны ползет, и кажется Кольке, что это сама земля разъехалась и бежать собирается. Паровозы, как хорошие пастухи среди стада, весело так посвистывают, мелкоту по углам разгоняют—покрупней к середине жмут, а промеж вагонов разговор идет: тук, тук, тук, тебя куда? тебя куда? трам-блям, чебурдых! Тут же люди снуют, к вагонам как слепни льнут.

Хорошо Кольке, высказать невозможно...

Вверху солнышко болтается, будто его за ниточку дергают, со стороны депо нефтью папахивает, потянешь носом, дышишь и не надышишься.

К вечеру Колька домой появляется, мать зудит:

— Ты у меня достукаешься, уж я тебя взъерепеню когда-нибудь, подожди у меня... ты у меня...

Эх! не слушал бы; только отец и поддержит.

— Ну, ладно, магь, чего уж там.

В середине лета хозяйкин сын Аркашка вдруг задаваться начал. Коротыш чортов, выставляет свой самовар, руки назад и расхаживает по двору; хотел Колька отволтузить его, чтоб не заедался, только отца побоялся, рассердится, на паровоз брать перестанет.

Мать Аркашкина тоже в занозу норовит, покрикивать на квартирантов начала: убирайте свои дудоры, скоро всех вас к шаху-монаху отсюда. Потом зачали к матери Колькиной жены рабочих бегать, всплескивают руками и стрекочат:

— Батюшки мои, что ж делать-то?

Утекать надо...

И сколь их идет, этих чехо-словаков разных, страсть!.. Казара-то вся с ними.

Ох, что будет только!

А отец Колькин ходит себе и ни тинь-тили-линь, — смелый, ничего не боится. Если же разговоры о чехо-словаках услышит, брови к переносице сведет и желваки на щеках забегают; дома редко бывает, все время на

дежурстве в депо и от Кольки скрывает, когда надо в поездку отправляться. Но Колька сторожит и даже из дежурки не уходит.

Утром отец в бок Кольку толкает и говорит:— Ну-ка, сын, живо, со штабным отправляемся, да уж брать ли тебя? Катай-ка лучше домой.

У Кольки сердце вжик, будто в погреб со льдом, а на глазах даже слезы заискрились.

Просить стал: как же, папка, охота ведь...

Лукич, спасибо, подталдыкнул:— Возьмем, что за беда, не помешает.

На станции всего четыре вагона зацепили. Лукич так пару подогнал, что паровоз по лошадиному пофыркивать начал и даже весь дрожит.

— Ну, Колька!— смеется Лукич,— держись только, катанем сейчас.

А отец около паровоза ходит, гайки крепит и из масленки поливает.

На площадках вагонов красноармейцы с винтовками встали.

От станции Бердяуш к Златоусту на подъем, к вечеру только доползли, кругом темно

было, лишь около станции несколько фонарей ныряло в тумане.

Приехали и сейчас же на круг, паровоз повернули в обратную сторону, опять сцепились и так до утра простояли все время под парами. Колька на тендере, свернувшись калачиком, спал, а отец с Лукичем по переменкам дежурили.

Чуть солнышко из-за гор, а Колька уже на ногах, выглянул из будки — тишина и народу никого, одни красноармейцы с площадок вагонов штыками поблескивают. В топке ревело во-всю, отец около краников и винтилей хлопотал.

— Папка, чай будет?

— Чай, вон он, хлеба нет только. Лукич пошел.

— Скоро отправимся, што ль?

— Что, надоело тебе?

— Нет, я станцию посмотреть хочу сбежать, больно хорошо тут, во-он гора виднеется, выше как у нас, это какая?

— Таганай.

— Таган-ай... Папка, я сбегаю туда, а?

— Эка! ты что думаешь, она рядом? До нее верст десять. Язык высунешь, бежать-то.

— Ну, я на станцию.

— На станцию валяй, живо только, а то без тебя отправимся.

Соскочил Колька и вдоль пути к станции в карьер поскакал. На платформе пусто, только станционный сторсж один, сидя на ящике около дверей, на солнечном пригреве дремал и тыкался перед собой носом. Колька мимо его внутрь станции прошел, здесь на полу, на столах, скамейках и на буфетной стойке спали рабочие и красноармейцы, в углах стояли винтовки. Духота была нестерпимая, спертый воздух не успевал выходить в открытую фортку. Большие мухи сонно гудели и бились о стекла.

Колька тем же ходом повернул обратно и, обежав здание станции, нырнул в станционный садик. Здесь тоже спали красноармейцы, укрывшись грязными рваными шинелями, а около ходили чьи-то козы и глодали кустарники сирени и акаций. Прошел Колька дальше, на горку подниматься стал, и вдруг

откуда-то сверху ка-ак шандарахнет! ба-ам, ууу-зииннь!—и загудело, забурлило по лесу... Не успел Колька оглядеться и сообразить, повторилось еще и еще, и не помнит Колька, как с бугра вниз скатился, мельком заметил бежавших куда-то рабочих и красноармейцев. Одни бежали к путям, другие навстречу Кольке в гору. Где-то совсем близко очень звонко и резко затрещало: три-и-и ти-ти-ти-и; врезаясь в этот треск и гул, рывкнул паровоз: гуа-гуа-гу-у-у. „Отец это, отец“, мелькнуло в Колькиной голове.

Что же это такое? А бежавшие рядом кричали:

— Чехи, чехи!

— Стой, свои!

— Скорей, к эшелону.

— Товарищи! Обходят, обходят.

— Казаки, казаки!.

Горит у Кольки внутри, скорей, скорей, и припустился что есть силы к паровозу, а позади станции по платформе бежали чешские солдаты, приближаясь к поезду. По-кошачьи с налета вскочил Колька по ступенькам па-

ровоза и, споткнувшись, упал, ударившись боком о колени отца, падая, слышал как часто застрекотали выстрелы, зазвенело железо от ударов пулеметных пуль и, ругаясь, неожиданно опустился на колени отец.

— Колька, скорей, регулятор, краны...

Перескочив через отца, Колька рванул винтиль, открыл продувательные краны и, подскочивши, схватился за регулятор, тяжестью тела потянул к себе. Паровоз запарил и, как будто подпрыгнув на месте, рванул вперед, побежали куда-то стоявшие по бокам товарные вагоны, дома, деревья. Слышались чьи-то крики: — Сволочь, стой, стой! А Колька толкал и толкал регулятор по команде сидевшего в углу отца. Позади грохотали вагоны, с насыпи вихрем поднимался песок, мелкая галька и посвистывал навстречу ветер.

Проскочили переездную будку, потом какой-то разъезд. Отец, удерживая стон, командовал убавить ход: — Тише, Коля! станция скоро, назад регулятор, назад!

Оглянулся Колька и увидел: совсем отец на бок повалился, а из обеих ног, через го-

Колька бежит к паровозу, а кругом суматоха, стрельба,

Чехи обстреливают поезд с красноармейцами.

ленищи сапог; густо кровь запеклась. Лукича не было, только сейчас он заметил.

— Папка! что у тебя кровь-то, а Лукич где? Убили?

— Не знаю, сынка, может и убили Лукича, а вот мне так здорово досталось: обе ноги перешибло пулями, разуться бы надо, да не могу.

Колька кинулся было помочь, отец остановил.

— Смотри уж, ладно, дай свисток.

— Не достану.

— Проволокой зацепи. Ох! боль-то какая.

Подходили к станции; кое-как дотянувшись, Колька дал продолжительный свисток и стал тормозить, а отец кричал:

— Медленно, медленно, не рви!

К остановившемуся паровозу набежали красноармейцы и комендант поезда.

— Ну как, благополучно ли? Спасибо вам, выручили. Кто, товарищи, вел поезд?

Колька соскочил на песок, бледный, перепачканный, босиком:— Я, товарищи, работал, а папка там лежит, простреленный.

— Так это ты нас вывез? — засмеялся комендант. — Ай да машинист! Орден красного знамени за это. А ну-ка я тебя начальнику штаба покажу.

Сгреб комендант Кольку в охапку и на руках понес в вагон...

23280

673414

Российская государственная
детская библиотека

1 9 ОКТ 1942

Отдел
Детской
литературы